В.И.Стеллецкий

РИТМИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД "ЗАДОНЩИНЫ" ж

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ АНДРЕЕВИЧЕ, или ЗАДОНЩИНА

Писание Софонии Рязанца.

(ВСТУПЛЕНИЕ)

I I Сойдемся, братья и други, сыны русские!
Подберем слово к слову,
возвеселим Русскую землю,
низвергнем печаль в восточные страны, страны Симовы,
возгласим над поганым царем Мамаем победу,
а великому князю Дмитрию Ивановичу
и брату его, князю Владимиру Андреевичу, славу

ж Известный переводчик "Слова о полку Игореве" доктор филологических наук В.И.Стеллецкий после своей смерти в 1985 г. оставил довольно большой неразобранный архив неопубликованных работ, в том числе ритмический перевод "Задонщины" с примечаниями. Среди многочисленных вариантов перевода, предоставленных вдовой автора М.А.Стеллецкой, для данной публикации выбраны наиболее поздние списки - перевод 1973 г. и примечания 1959 г. Практическая переводческая работа у В.И.Стеллецкого, по-видимому значительно опережала работу комментаторскую.

и поведем таковы речи:
"Лучше нам, братья, начать сказывать на иной лад,
начать сказывать по делам да по былям,
по славным, по нынешним сказаниям
о походе великого князя Дмитрия Ивановича
и брата его, князя Владимира Андреевича,
правнуков святого великого князя Владимира Киевского".

П Но унесемся мыслию по землям Русским,
помянем первых лет времена,
восславим вещего Бояна, в Киеве гораздого гусляра.
Тот вещий Боян возлагал искусные свои персты на живые
струны,
возглашал русским князьям славу:
первому великому князю киевскому Игорю Рюриковичу,
великому князю Владимиру Святославичу,
великому князю Ярославу Владимировичу.

Ш Мы же восславим песнями и гуслей высокими звонами
великого князя Дмитрия Ивановича
и брата его, князя Владимира Андреевича,
ибо у них были мужество и ревность за землю Русскую и
за веру христианскую.

(I. СБОРЫ НА БИТВУ)

IУ Князь великий Дмитрий Иванович
и брат его, Владимир Андреевич,
напрягли ум волею своею,

поострили сердца свои мужеством,
исполнились ратного духа,
урядили себе храбрые полки в Русской земле,
помянули прадеда своего, князя Владимира Киевского.

У

Жаворонок-птица, красных дней утеха!
Взлети под синие небеса,
посмотри на могучий град Москву,
воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу
и брату его, князю Владимиру Андреевичу.
То ли не буря со́колов занесла из земли Залесской в поле Половецкое!

УI

Кони ржут в Москве,
трубы трубят в Коломне,
в бубны бьют в Серпухове,
звенит слава по всей земле Русской!
Как чудо, реют стяги на береге, у Дона великого,
плещут хоругви узорчатые,
светятся панцыри золоченые, -
звонят колокола вечевые в Великом Новгороде,
стоят мужи-новгородцы у святой Софии, молвя:
"Уже нам, братья, к великому князю Дмитрию Ивановичу на пособь не поспети!"

УП

Тогда орлы слетелись со всех ~~ее веех~~ полуночных стран,
но то не орлы слетелись,
съехались князья русские к великому князю Дмитрию Ивановичу

и брату его, князю Владимиру Андреевичу,
говоря таковы речи:
"Господин наш, князь великий!
Уже поганые татары на поля на наши наступают
и вотчину нашу у нас отнимают,
стоят между Доном и Днепром, на реке на Мече.
И мы пойдем, господин, за быструю реку Дон,
добудем землям Русским Диво,
сотворим для старых сказание,
для молодых поучение
и храбрецов своих испытаем
за землю Русскую и за веру христианскую".

УШ Молвил им князь великий Дмитрий Иванович:
"Братья мои милые, князи русские!
Гнездо мы великого князя Владимира Киевского,
не на обиду мы были ро́ждены
ни соколу, ни кречету, ни черному ворону,
ни поганому Мамаю".

IX О соловей, летняя птица!
Кабы ты, соловей, своим щекотом во́спел славу великому князю Дмитрию Ивановичу,
и брату его, князю Владимиру Андреевичу,
и двум братьям Ольгердовичам из земли Литовской,
Андрею и брату его Дмитрию,
да Дмитрию Волынскому.
Они - сыны храбрые,
кречеты в ратное время,

испытанные полководцы,
под трубы пови́ты,
под шеломами взлелеяны,
концом копья вскормлены в Литовской земле!

X И молвил Андрей Ольгердович брату своему Дмитрию:
"Мы с тобою два брата, сыновья Ольгердовы,
внуки Гедиминовы,
правнуки Скольдимеровы.
Соберем себе дружину милую, панов удалой Литвы,
храбрых удальцов,
сядем на своих борзых ко́ней,
посмотрим на стрежень быстрого Дона,
изопьем, брат мой, шеломом воды быстрого Дона,
испытаем мечи свои литовские
о шеломы татарские,
а копья немецкие о кольчуги басурманские".

XI И сказал ему Дмитрий:
"Не пощадим, брат Андрей, жизни своей за землю Русскую,
за веру христианскую,
за обиду великого князя Дмитрия Ивановича!
Уже стук стучит,
гром гремит в каменном граде Москве;
то не стук стучит,
не гром гремит -
стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича,
гремят удальцы русские золочеными доспехами, чермными
щитами.

Седлай, брат Андрей, своих борзых ко́ней,
а мои готовы, вперед твоих оседланы!
Выедем, брат мой, в чистое поле и посмотрим на свои полки!"

(II. В ПОЛЕ ПЕРЕД БИТВОЙ И УДАЧА ТАТАР)

XII Вот поднялись буйные ветры с моря к устьям Дона и Днепра,
пригнали тучи великие на Русскую землю.
Из тучи выступили кровавые зори,
а в них трепещут синие молнии.
Быть великому стуку и грому между Доном и Днепром!
Полечь роду человеческому на поле Куликовом,
пролиться крови на речке Непрядве!

XIII Вот заскрипели телеги татарские между Доном и Днепром,
идет Хинова на Русскую землю!
Прибежали серые волки от устьев Дона и Днепра,
столпившись, воют на реке на Мече,
хотят ринуться на Русскую землю!
То не волки серые были,
то пришли поганые татары,
хотят войною пройти по всей земле Русской!
Тогда гуси загоготали на речке на Мече,
лебеди крылами восплескали.
Но то не гуси загоготали,
и на лебеди крылами заплескали -
поганый Мамай на Русскую землю пришел
и воинов своих привел.

XIУ А уже беды их сторожат птицы крылатые,
в подоблачьи летают,
во́роны без умолку каркают,
галки речью своей говорят,
орлы кличут,
грозно волки воют,
брещут лисицы, кости-поживу чуя.
О Русская земля! Уже за хо́лмами ты!

XУ Тогда соколы и кречеты и белозерские ястребы
оторвались от златых насестов, -
из каменного града Москвы
взвились под синие небеса;
зазвенели своими золочеными колокольцами
над быстрым Доном,
хотят налететь на несметные стада́ гусиные и на лебединые,
а богатыри, удальцы русские, ударить хотят на великие
рати поганого царя Мамая.
Тогда князь великий вступил в золотое стремя,
взял свой меч в правую руку
и помолился богу и пречистой его матери.
Солнце ему ясно сияет на востоке и путь кажет.

XУI Что там шумит, что гремит рано перед зорями?
Князь Владимир Андреевич полки ставит и перестраивает
и ведет их к Дону великому.
И молвил он брату своему:
"Князь Дмитрий, не послабляй, князь великий, татарам,
уже ведь поганые на поля русские наступают, отнимают
отчину нашу!"

XVII Молвил князь великий Дмитрий Иванович:
"Брат мой, князь Владимир Андреевич! Мы ведь с тобою два брата,
внуки великого князя Владимира Киевского,
воеводы у нас надежные,
дружина у нас испытанная,
имеют под собой они борзых коней,
а на себе доспехи золоченые,
и шеломы черкесские,
и щиты московские,
и дроты немецкие,
и копья фряжские,
и мечи булатные.

XVIII А дороги им ведомы,
перевозы для них ставлены,
пылко хотят они головы свои положить за землю Русскую и за веру христианскую,
духом взмывают, что живые хоругви,
ищут себе чести и славного имени!

XIX Уже те соколы и кречеты и белозерские ястребы
быстро за Дон перелетели,
ударили на несчетные стада гусиные
и на лебединые.
Но то не соколы и не кречеты -
через Дон перевезлись и налетели сыны русские
на могучую рать татарскую
и ударили копьями воронеными о доспехи татарские.

Загремели мечи булатные
о шеломы басурманские
на поле Куликовом,
на речке Непрядве.

XX Над полем Куликовым сшиблись грозные тучи,
а из них непрестанно сверкали синие молнии
и гремели громы великие!
Сшиблись в сече русские сыны с погаными татарами
за свою великую обиду,
а на воинах русских сверкают доспехи золоченые,
гремят князья русские мечами булатными о шеломы татарские!

XXI Не туры рано поутру взревели у Дона великого,
на поле Куликовом,
вскричали князья русские, бояры, воеводы и воины
великого князя Дмитрия Ивановича,
побитые, порубленные погаными татарами!

XXII Пересвета-чернеца, брянского боярина, привели на бранное поле, на судное место;
молвит Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу:
"Государь князь Дмитрий Иванович,
лучше нам зарубленными быть,
чем в полон угодить к поганым татарам".
Пересвет поскакивает на коне своем борзом,
золочеными доспехами посвечивает,
свистом поле перегородил
и молвил сие слово:

"Ладно тут, брат мой, старому помолодеть,
а молодому чести добыть,
плеч удалых испытать!"
И сказал ему брат его, Ослябя-чернец:
„Брат Пересвет, вижу раны на теле твоем тяжкие,
пасть голове твоей на сырую землю, на белый ковыль,
а сыну моему Иакову лежать на ковыль-траве,
на поле Куликовом,
у речки Непрядвы,
за веру христианскую
и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича!"

XXIII А по Рязанской земле в эту пору у Дона ни пахари, ни пастухи не кличут,
лишь кукушки кукуют,
да вороны без умолку каркают,
кровавой поживы поджидают.
И было грозно и жалостно все это видеть,
ибо ковыль-трава кровью полита была,
а деревья с тоскою к земле приклонились!

(Ш. ПЛАЧ РУССКИХ ЖЕН)

XXIУ Запели птицы жалостные песни,
заплакали княгини и боярыни
и жены воевод убиенных.

XXУ Микулина жена Марья Дмитриевна
плакала на заре рано у града Москвы на стене Кремля, причитая:

"Дон мой, Дон, быстрая река!
Ты прорыла горы каменные,
прошла всю землю Половецкую -
прилелей моего государя ко мне, Микулу Васильевича!

XXУI И плакала Тимофея жена, Тимофея Валуевича, Федосья, так причитая:
"Вот уже веселие мое поникло
в славном граде Москве,
уже не вижу в живых государя своего, Тимофея Валуевича!"

XXУП Андреева жена Марья
да Михайлова жена Оксенья
рано поутру плакали:
"Вот уже обеим нам солнце померкло во славном граде Москве!
С быстрого Дона к нам по́лымем повеяли огненные вести,
принеся беду великую:
сошли удальцы русские со своих борзых ко́ней
на судное место на поле Куликовом!"

XXУШ Стонут Диво под саблями татарскими,
а русские богатыри, раненные тяжко:
утром на заре щуры запели жалостные песни у Коломны-града, на стенах кремля.
То не щуры запели на заре жалостные песни,
заплакали жены коломенские,
говоря сие слово:
"Москва, Москва, быстрая река!

Зачем занесла ты от нас мужей наших в землю Половецкую?
Можешь ли, господин наш, князь великий,
веслами Днепр преградить,
а Дон шеломами вычерпать,
а Ме́чу трупами татарскими запрудить?
Замкни, князь великий, Оке ворота,
чтобы поганые и после к нам не бывали!
Уже устали мужья наши от сечей!"

(IУ. ПОБЕДА РУССКИХ И КОНЕЦ БИТВЫ)

XXIX Разогнав коня, князь Владимир Андреевич
поскакал на рати поганых,
золотым шеломом посвечивая.
Гремят мечи булатные о шеломы татарские!

XXX И восхвалил князь Владимир Андреевич брата своего:
"Брат мой, князь Дмитрий!
Ты нам железное щит-заборало в злое, тяжкое время!
Не промедли, князь, со своими великими полками,
не потакай лихим крамольникам,
вот уже поганые на наши поля наступают
и хоробрую дружину нашу побивают.
Средь трупов человечьих борзые кони не могут скакать,
в крови по колено бродят.
Уже, брат мой, жалостно глядеть на кровь христианскую!"

XXXI И сказал князь Дмитрий своим боярам:
"Братья, бояре, и воеводы, и дети боярские!

То ведь, братья, не наши московские сладкие меды и знатные места,
здесь добудете знатные места себе и своим женам.
Тут надобно старому помолодеть,
а молодому чести добыть!"

XXXII Тут, как соколы, полетели они на быстрый Дон!
То не соколы полетели за быстрый Дон,
за Дон скачет князь Дмитрий со своими полками, со всей ратью.
И сказал князь Дмитрий: "Брат мой, князь Владимир!
Тут-то испить нам медвяной круговой, почетной чары!
Наскочим, брат мой, со своими полками могучими на рать поганых!"

XXXIII Тогда князь в бранное поле вступает,
гремят мечи булатные о шеломы хи́новские!
Поганые прикрыли головы руками своими,
уже поганые быстро назад отступили!
Стяги плещут - поганые бегут!
Русские сыны широкие поля кликом огородили
и золочеными доспехами осветили!
Уже стал тур к обороне!

XXXIV Черна земля под копытами костьми была засеяна,
а кровью полита была.
Могучие полки сшиблись в сече,
потоптали луга и хо́лмы,
замутили реки и озера;

кликнуло Диво из Русской земли -
послушать велит дальним землям;
грянула слава к Вратам Железным,
к Риму, и к Каффе, и к Тырнову через море,
а оттуда к Цареграду
на похвалу русским князьям:
Русь великая одолела Мамая на поле Куликовом!

ХХХУ Тут князнь полки поганых вспять поворотил
и начал рубить их нещадно, страх на них нагоняя,
пали князья их с ко́ней.
Русские сыны засеяли поля трупами татарскими,
и реки кровью потекли.

ХХХУI Тут поганые врассыпную бросились,
порознь бегут нетореными дорогами к Лукоморью,
скрежеща зубами своими,
раздирая лица свои, так причитая:
"Нам уже, братья, в земле своей не бывать,
детей своих не видать
и жен своих не ласкать,
а ласкать нам сыру зе́млю,
целовать нам зелену траву;
и на Русь нам ратью не хаживати,
и дани у русских князей не прашивати!"

ХХХУП Уже застонала земля татарская,
бедами и кручиной покрывшись,
тут приуныло царей их веселие,

а похвальба и желание на Русскую землю ходить поникли.

XXXVIII Вот уже сыны русские захватили татарские узорочья и доспехи,
гонят коней, волов и верблюдов;
вино, сахар, серебро и злато,
шелка, парчи и жемчуг
везут женам своим.
Вот уже русские жены зазвенели татарским золотом!

XXXIX А по Русской земле по градам и весям повсюду веселье и радость!
Вознеслась над бесчестьем поганых Русская слава!
Уже Диво сошло к нам в Русскую землю.
А князя великого грозы текут по всей земле.

XL Стреляй, князь великий, по всем землям!
Стреляй, князь великий, со своею храброй дружиною в поганого Мамая-хиновина
за землю Русскую, за веру христианскую!
Уже поганые оружие свое побросали,
а головы свои преклонили под мечи русские!
Трубы их не трубят, приуныл глас их!

(ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

XLI И выскочил поганый Мамай серым волком из своей дружины
и побежал к городу Каффе.
И молвили ему люди фряжские:

"Почему ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую землю?
Побила тебя рать Залесская!
А не быть тебе подобным Батыю-царю!
У Батыя-царя было четыреста тысяч воинов,
прошел он войной всю Русскую землю
и полонил ее от востока до запада!
А наказал тогда бог Русскую землю за согрешение!
И ты пришел, царь Мамай, на Русскую землю со многими полками,
с девятью ордами,
с семьюдесятью князьями!
А ныне бежишь сам-девят к Лукоморью,
не с кем тебе зиму зимовать в поле!
Иль тебя князья русские искусно попотчевали,
коли нет с тобой ни князей, ни воевод?
Или они допьяна упились на поле Куликовом на ковыль-траве?
Так беги же, поганый Мамай, и от нас восвояси!"

XL П Стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом,
с князем Владимиром Андреевичем,
и с остатними своими воеводами на костях,
на поле Куликовом,
на речке Непрядве.
Грозно и жалостно, братья, было в то время смотреть,
как лежат тела христианские
на берегу Дона великого,
будто сена стога!
А Дон-река три дня кровью текла!

XLIII Молвил князь великий Дмитрий Иванович:
"Братья, князья, и бояре, и дети боярские!
Это вам судное место между Доном и Днепром
на поле Куликовом,
на речке Непрядве;
положили вы головы свои за землю Русскую,
за веру христианскую,
за святую церковь!
Простите меня, братья,
и благословите в веке этом и в будущем!
Поедем, брат мой, князь Владимир Андреевич,
во свою землю Залесскую,
во славный град Москву
и сядем, брат, на своем княжении!
А чести мы, брат, добыли и славного имени!"
Богу нашему слава!

I941-I973

ПРИМЕЧАНИЯ

В начале 1941 г., высоко оценив реконструированный текст С.К.Шамбинаго [1], я свой первый перевод "Задонщины" сделал с этого текста. После того как были найдены в Историческом музее, в начале сороковых годов, новые подлинные списки "Задонщины", был опубликован второй реконструированный текст С.К.Шамбинаго (1947 г.), который однако нельзя признать удачным, а в 1948 г. появилась вторая реконструкция В.П.Адриановой-Перетц, наиболее основательная из всех работ подобного рода. По ее предложению в 1953 г. был проделан новый перевод "Задонщины". Однако и этот новый реконструированный текст В.П.Адриановой-Перетц потребовал поправок, которые и были предложены Н.К.Гудзием.

Свой второй перевод "Задонщины" я сделал, положив за основу текст, реконструированный В.П.Адриановой-Перетц. Однако, по ее же совету, я отнесся к нему критически, принял поправки Н.К.Гудзия, привнеся в него некоторые поправки из реконструкций С.К.Шамбинаго, которые считал необходимыми. Критерий для критики текста В.П.Адриановой-Перетц был мне дан ею самою, а именно художественное совершенство произведения, которое можно восстановить на основе подлинных списков, так как художественная сторона произведения Софонии в первую очередь должна была пострадать вследствие неисправности дошедших до нас списков.

Те случаи, в которых текст, принятый мною, расходится с текстом Н.К.Гудзия, я оговариваю в нижеследующих примечаниях. При установлении текста мною принимались во внимание все списки "Задонщины", но

---

[1] Шамбинаго С.К. Повести о Мамаевом побоище. - СПб., 1906. - С.120-128.

за основу был взят, как это было сделано и В.П.Адриановой-Перетц во второй ее реконструкции, список Государственного исторического музея № 2060 как наиболее исправный.

Моею задачей как переводчика являлось дать художественный перевод "Задонщины", максимально точный в смысловом и в ритмическом отношении достаточно чистым современным литературным языком, сохраняющим все наиболее характерные стилистически значимые особенности оригинала. В этих целях я считал необходимым оставить некоторые самые характерные лексические и частично морфологические особенности подлинника. В реконструированном древнерусском тексте мною обнаружено свыше 380 ритмико-синтаксических единиц. Поскольку мы имеем дело в "Задонщине" с очень неисправными списками или с реконструированным текстом, говорить о точном количестве ритмико-синтаксических единиц в ее тексте не приходится. Но сам факт объективного членения текста "Задонщины" на ритмико-синтаксические единицы представляется несомненным. Ритмико-синтаксические единицы в тексте "Задонщины" были выявлены мною с помощью того же самого метода и тех же критериев, как это было мною найдено в тексте "Слова о полку Игореве" [2].

В композиционном отношении "Задонщина" состоит из вступления, четырех частей и заключения, которые выделены мною в моем переводе. Так же, как и "Слово о полку Игореве", текст "Задонщины" представляет собой своеобразную "мозаику" из сорока трех строф, связанных между собой по содержанию, а также и в ритмическом отношении. Почти точное совпадение количества строф, имеющихся в моем переводе, т.е. стало быть, в реконструированном тексте "Задонщины", с количеством строф,

---

[2] См.: "Слово о полку Игореве" / Под редакцией В.Ф.Ржиги. - М., 1959. Поэтические переложения и переводы Б.Д.Кузьминой и В.И.Стеллецкого.

найденных в "Слове о полку Игореве" (а именно 44) является, естественно, совершенной случайностью.

Строка 5. Точным переводом слов "воздадим поганому Мамаю побѣду" является "возвестим беду Мамая", слово "побѣда" не имеет значения "победы" в современном языке, а значение "беды", "несчастья", в таком значении это слово нередко встречается в причитаниях, например:

Вдруг поднялася погода непомерная -
Призавияли тут буйны столько ветрышки,
Потопило всех победных головушек...

Слово "царем" вставлено в первой реконструкции С.К.Шамбинаго.

Строка 30. "Крѣпостию". Барсов указывает, что "на дружинном языке крепость, как и мужество, были выражениями храброго духа; мужество было проявлением геройски, мужески, настроенного сердца; крепость же считалась доблестию того же сердца, но под воздействием ума и воли: она была стойкостью противостоять долгое время..." ("Слово о полку Игореве". М., 1889. Т.Ш. Стр.413). Во многих древнерусских текстах наиболее точно данное слово передают современные слова "стойкость" и "сила", однако в тексте "Слова о полку Игореве" "истягу умь крѣпостию своею" слову "крѣпость" наиболее соответствующим оказывается современное слово "воля", то же и в "Задонщине".

Строки 30-31. "Истягнувше умъ свой крѣпостию и поостриша сердца своя мужством". В качестве образа внутренней подготовки к походу и битве в "Задонщине", вслед за "Словом о полку Игореве", возможно, имелся в виду процесс подготовки холодного оружия к бою, именно натачивая его. "Истягнувше умъ" - "напрягали ум", подобно тому как оттягивают затупившееся остальное лезвие перед натачиванием его.

Строки 41-44. Порядок предложений, принятый в данной редакции текста, более упорядоченный в синтаксическом и ритмическом отношени-

ях, имеющийся в Кирилло-Белозерском и в Синодальном списках, был принят С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции (1906), очень удачной в художественном отношении.

Строки 46-47. Эти строки сохранились только в Кирилло-Белозерском списке ("пащутся хоригови берчати, свѣтяться калантыри злачены"). Хотя В.Ф.Ржига признает пространную редакцию первоначальной, а краткую редакцию (Кирилло-Белозерского списка) более поздней, сокращенной из пространной редакции, он однако указывает, что большая древность Кирилло-Белозерского списка дает возможность найти в нем отдельные места, улучшающие чтение текста, причем некоторые из них В.Ф.Ржига перечисляет, но далеко не все, - к ним, полагаю, относятся и эти строки. С.К.Шамбинаго сохраняет их в обеих своих реконструкциях.

Строка 49. При переводе этого предложения сохраняю точный порядок слов текста Кирилло-Белозерского списка, как более близкого к подлинному, первоначальному тексту "Слова Софония", так как при этом порядке слов сохраняется ритм. Несомненно подлинное "Слово Софония" было более ритмично, чем последующие неисправные списки, ведь оно испытало непосредственное влияние "Слова о полку Игореве"!

Строка 60. В подлиннике "укупимъ землямъ диво"; "укупимъ" - добудем, "землямъ" - здесь, несомненно, русским землям; "диво" - чудо; см. также примечания к строкам 243 и 336.

Строка 66. По соображениям, высказанным в предыдущих примечаниях, перевожу эту строку согласно Кирилло-Белозерскому списку.

Строка 96. Сохраняю порядок слов текста Синодального списка ("не пощадим, брате"), принятый С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции ("не пощадим, брате").

Строка 108. Пропускаю в переводе следующую за 107-й строку, так так она представляет собой, скорее всего, позднейшую интерполяцию

(вставку), как полагал С.К.Шамбинаго, опустивший ее в обеих своих реконструкциях. Ведь Софония написал поэтическое произведение, в котором приводить цифровые данные было неуместно. Но если б даже эта строка принадлежала Софонию, он мог приписать ее только в виде справки или примечания к тексту своей поэмы, каковым она и ощущается читателем. Согласно технике письма XIУ в., Софония не имел возможности поместить свое примечение отдельно, подстрочно или в конце книги, как это делаем мы в настоящее время.

Строка IO9. Согласно Кирилло-Белозерскому списку,"ис тучи выступи". Именно так реконструирует текст С.К.Шамбинаго в своей первой реконструкции.

Строка III. Согласно Кирилло-Белозерскому списку эта строка читается следующим образом: "Быть стуку и грому велику межю Доном̂ь и Нѣпромь", вставка здесь после слова "грому" слов "на рѣчѣки Непрядвѣ" при наличии их в II3-й строке ощущается случайной. Так полагал и С.К.Шамбинаго при создании обеих своих реконструкций.

Строка II4. Эпитет "татарские" восстанавливается по Синодальному списку, в других списках явно ощущается пропуск этого эпитета. С.К.Шамбинаго восстанавливает его в обеих своих реконструкциях.

Строка II5. Хинова - здесь татаро-монголы, это слово восходит к тексту "Слова о полку Игореве", где оно означало половцев.

Строка I26. Принят порядок слов текста Ундольского, при котором сохраняется ритм, а поэтому этот порядок слов представляется естественным и первоначальным.

Строка I35. Хотя во всех полных списках "Задонщины" имеется слово "царем", безусловно следует считать его позднейшей вставкой. Софония, несомненно, здесь воспользовался рефреном из "Слова о полку Игореве". Псковский пересчик написал "с" вместо "ш", поэтому это предложение перестало пониматься позднейшим переписчиками, которые

стали пытаться по-своему осмыслить его и изменять его согласно своим домыслам. С.К.Шамбинаго в обеих своих реконструкциях с полным правом восстанавливает "за соломянем побывала", - местность, называемая "Куликовым полем", окружена холмами.

Строки 136-141. Эти строки реконструированы по Кирилло-Белозерскому, но главным образом по Синодальному списку С.К.Шамбинаго в первой его реконструкции. В списке Исторического музея № 2060 этот текст не лучше, а хуже в художественном отношении.

Строка 146. Эта строка имеется во всех полных пространных списках, имеется также в обеих реконструкциях С.К.Шамбинаго. Пропуск ее в реконструкции В.П.Адриановой-Перетц трудно объяснить.

Строка 159. Во всех списках "Задонщины" здесь первое лицо, однако, согласно содержанию текста, С.К.Шамбинаго в своих обеих реконструкциях ставит третье лицо. Сочетание собирательного существительного в единственном числе с глаголом во множественном числе совершенно естественно для произведений народного устного творчества, что отмечалось еще А.С.Пушкиным. См. в "Сказке о рыбаке и рыбке":

Вкруг стоит ее грозная стража,
На плечах топорики держат.

Строка 167. Слово "ставлены" согласно Синодальному списку восстанавливает С.К.Шамбинаго в обеих своих реконструкциях.

Строка 168. Слова "за землю Русскую" восстанавливаются по списку Ундольского (а также Синодальному) С.К.Шамбинаго в обеих его реконструкциях.

Строка 169. Слова "аки живи" несомненно стояли в произведении Софонии, иначе текст теряет смысл. Восстанавливаются по списку Ундольского С.К.Шамбинаго в обеих его реконструкциях. Этот пример особенно наглядно показывает необходимость критического отношения при реконструкциях к списку Исторического музея № 2060 и важность свиде-

тельства других списков, в частности Ундольского (а также и Синодального).

Строка 175. Восстановлено по Синодальному списку С.К.Шамбинаго в первой его реконструкции.

Строки 182-183. В отношении места абзаца, помещенного в "Задонщине" между этими двумя строками, существует две точки зрения. Б.П.Адрианова-Перетц помещает этот абзац здесь, следуя за списками "Задонщины". Однако С.К.Шамбинаго относит его в своих обеих реконструкциях в место описания победы русских над татарами, следуя спискам "Сказания о Мамаевом побоище" 3-й редакции. Согласно содержанию этого абзаца, он несомненно должен быть помещен таким образом, как это делает С.К.Шамбинаго, мнения которого в отношении места этого абзаца я придерживаюсь.

Строка 183. Слова "на поль Куликовѣ" были восстановлены по Синодальному списку (а также по списку Ундольского "на томъ полѣ") С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции. С точки зрения художественной они представляются необходимыми, так как делают данную строку ритмичнее и гораздо более выразительной.

Строка 186. Порядок слов, при котором сохраняется ритм, восстанавливается по спискам Ундольского и Синодальному. Поэтому данный порядок слов с полным основанием принят был С.К.Шамбинаго в его обеих реконструкциях.

Строка 187. Пропуск слова "великую" разрушает ритм данной строки, это слово было восстановлено по списку Ундольского С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции. Данный пример, как и другие подобные, наглядно показывает, что при реконструкциях необходимо принимать во внимание все списки, если даже и берется какой-либо список за основу. Критерий повышения художественной выразительности, сохранения ритмической целостности, практически использованный С.К.Шамбинаго в

его первой реконструкции, несомненно является таким критерием, которым нельзя пренебрегать ради формальной близости реконструкции к одному из списков.

Строки I90-I9I. В таком виде эти строки были восстановлены по спискам Ундольского и Синодальному С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции.

Строка I94. Во всех списках "Задонщины", где сохраняются эти строки, употреблены два разных причастия (в списках Ундольского "побѣждени", "посѣчени", то же и в списке Исторического музея № 2060). В реконструкции В.А.Адриановой-Перетц, по-видимому, случайная ошибка. Порядок слов и данные причастия (побитые и посеченые) восстанавливаются С.К.Шамбинаго в обеих его реконструкциях по Синодальному списку.

Следующее далее перечисление имен погибших военачальников носит характер записи, неуместной в тексте поэтического произведения. Она имела характер выносной справки (см. примечание к строке I07), поэтому С.К.Шамбинаго не приводил этой записи в обеих своих реконструкциях. Естественно, что эта справка Софония или одного ~~или одного~~ из первых переписчиков потеряла теперь тот захватывающий интерес, который она имела в 80-х гг. XIУ в.

Строка I96. Данный текст основан на тексте "Слова о полку Игореве": "Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе", т.е. на смерть, на смертный суд. Имеется в виду место боя как место смерти многих воинов и место решительной битвы. Порядок слов в переводе (Пересвета-чернеца) восстанавливается по спискам Ундольского и Синодального С.К.Шамбинаго в обеих его реконструкциях.

Строка 203. Слова "таково слово" (в переводе "сие слово") были восстановлены на Кирилло-Белозерскому списку С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции.

Строка 204. Лишних по содержанию слов "в то время", попавших, по-видимому, сюда из другого места, которых нет в Синодальном списке, С.К.Шамбинаго не восстанавливает ни в одной из своих реконструкций.

Строка 208. Восстановлено по Кирилло-Белозерскому списку (с заменою слов вместо "на сердци" - "на теле") С.К.Шамбинаго в первой его реконструкции.

Строка 209. Эта строка в таком виде восстановлена по Кирилло-Белозерскому списку С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции.

Строка 210. Слова "на ковыль-траве" вместо "на ковыли зеленѣ" восстановлены по списку Ундольского С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции.

Строка 212. Слово "у речки Непрядвы" восстанавливаются по списку Ундольского ("на речьке Непряде") С.К.Шамбинаго в обеих его реконструкциях.

Строка 217-219. По всем полным и пространным спискам - "вороны грают, трупы ради человѣческия" (список Ундольского), лишь в Кирилло-Белозерском вставлено "зогзицы кокують" после воронов, благодаря чему получилась бессмыслица. Вряд ли есть надобность приписывать ее Софонию; скорее всего здесь предложения оказались переставленными; правильный, как я полагаю, порядок их я восстанавливаю в своем переводе.

Строка 229. Добавлена согласно Кирилло-Белозерскому списку С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции ("пробил еси берези харалужныя"). Непонимание в XIУ в. слова "харалужные", заимствованные из "Слова о полку Игореве", где оно характеризует различные виды оружия и означает "булатные" или "вороненные", в Кирилло-Белозерском списке "Задонщины" несомненно. Нельзя однако утверждать, что эти строки в таком виде принадлежат Софонию. В.П.Адрианова-Перетц справедливо ут-

верждает, что "краткая редакция (Кирилло-Белозерский список - Б.С.) - это, в сущности, не сознательная переработка "пространной" хотя бы и путем сокращения последней, а запись, сделанная по памяти". (ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т.6. С.221).

Строка 230. Эта строка восстановлена в таком виде согласно Кирилло-Белозерскому списку С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции.

Строка 241. В списке Исторического музея № 3045, дошедшем до нас в отрывке, здесь "спадоша".

Строка 243. Диво - мифическое существо, заимствовано из "Слова о полку Игореве". В "Слове о полку Игореве" оно враждебно русским, является олицетворением кочевников, поганых половцев. В "Задонщине" переосмыслено (вероятно, под влиянием народной этимологии "диво" - чудо), по-видимому, как олицетворение Счастья всей Русской земли, долгожданной победы над татарами, избавления от их ига. Ср. строку 61 данного перевода.

Строки 261-262. Слова между этими строками, носящие характер вносной справки, выпущены (см. примечания к строкам 107-й и 194-й).

Строки 272-273. Эти строки имеются во всех списках. С.К.Шамбинаго восстанавливает их в обеих своих реконструкциях.

Строка 274. В Синодальном списке "не наша". В.П.Адрианова-Перетц восстанавливает это слово именно таким образом, также и С.К.Шамбинаго (в первой реконструкции).

Строка 276. Слово "надобно" восстановлено по Синодальному списку ("надобе") С.К.Шамбинаго в его первой реконстукции.

Строки 292-305. См. примечание к строкам 182-183.

Строки 309-310. Эти строки имеются во всех списках, кроме Синодального. Восстанавливаются А.П.Адриановой-Перетц и С.К.Шамбинаго во второй его реконструкции.

Строки 324-325. Во всех списках этот текст несколько испорчен,

и восстановить с большей или меньшей долей вероятности его первоначальный вид очень трудно.

Строки 336-337. Слова "сребро и злато" и "жемчуг" были восстановлены по Синодальному списку С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции. Значение слова в древнерусском тексте "насычеве" неясно. С.К.Шамбинаго понимает его как "атласы", так как оно следует за словом "камки" - шелка. Думается, что неясное по значению слово в реконструкциях правильнее опустить.

Строка 330. В современном русском языке нет глагола, который бы соответствовал древнерусскому "простреся", кроме книжного "распространилось". Переводчику приходится перевести этот глагол какими-либо иными, соответствующими словами.

Строка 332. Здесь "на землю" означает "на Русскую землю". Ср. то же в "Слове о полку Игореве" - "уже връжеса дивь на землю". См. также примечание к строке 60.

Строка 344. Слова "времена первыи", здесь совершенно излишние, имеются в списке Исторического музея № 2060, но их нет в списке Ундольского, поэтому правильно поступил С.К.Шамбинаго не внеся их в реконструированный текст.

Строки 358-359. Имеющаяся между этими строками перевода в списках Исторического музея № 2060 и Ундольского сентенция написана в совершенно ином стиле неритмичной прозой и, по-видимому, является припиской одного из благочестивых переписчиков; поэтому С.К.Шамбинаго справедливо, как мне кажется, не внес ее в свою первую реконструкцию (как впрочем и весь предыдущий абзац) и, за исключением первого предложения, не внес во вторую.

Строка 366. Слова "у Дона великого на березѣ", на основании списка Ундольского, внес С.К.Шамбинаго в свою первую реконструкцию.

Строки 368-369. Имеющаяся между данными строками фактическая (гиперболическая) справка о количестве убитых воевод носит характер примечания к тексту "Задонщины" и не должна вводиться непосредственно в ее текст. См. примечания к строкам I07 и I94. С.К.Шамбинаго с полным основанием не внес эту справку ни в одну из своих реконструкций.